

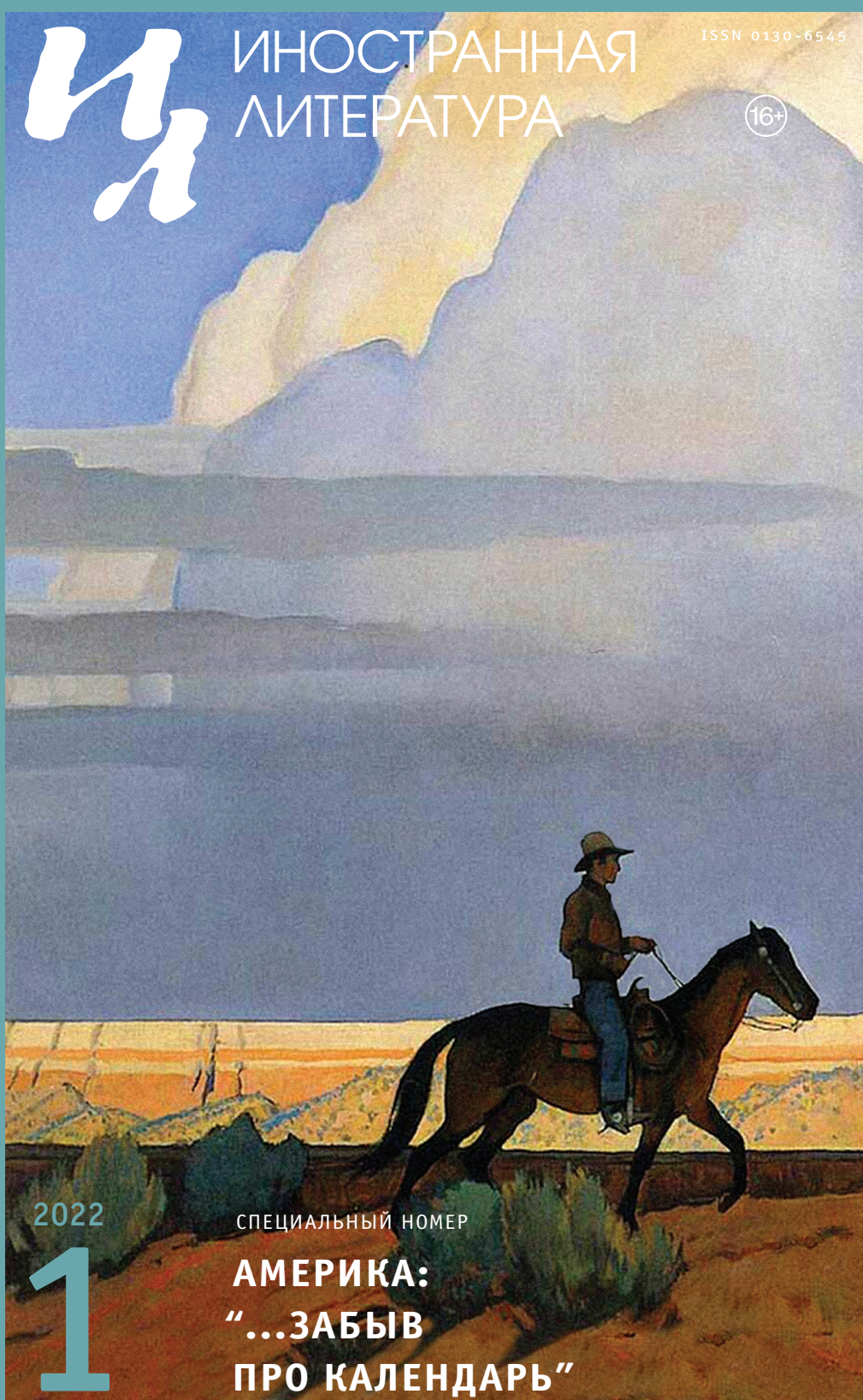

ИЛ

ИНОСТРАННАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ISSN 0130-6545

16+

2022

1

СПЕЦИАЛЬНЫЙ НОМЕР

**АМЕРИКА:
"...ЗАБЫВ
ПРО КАЛЕНДАРЬ"**

Основан в 1955 году

[1]
2022

ИНОСТРАННАЯ И ЛИТЕРАТУРА

Ежемесячный
литературно-
художественный
журнал

Америка: “...забыв про календарь”*

- Нобелевская премия — 2020 3 Луиза Глюк *Стихи*. Перевод Анастасии Строкиной
- В малом жанре 8 ШЕРМАН АЛЕКСИ *Примерный размер моей любимой опухоли*. Перевод Марии Еремеевой
- 20 СЭМ ШЕПАРД *Следуй призыву*. Перевод Ларисы Беспаловой
- 28 СИГРИД НУНЬЕС *План*. Перевод Анны Лысиковой
- 45 ТОНИ ЭРЛИ *Рюкзак*. Перевод Сергея Катуква
- 61 НЕЛЛА ЛАРСЕН *Убежище*. Перевод Анастасии Елагиной
- 66 Ю ДОРА УЭЛТИ *Благотворительный визит*. Перевод Евгения Хвалькова
- Литературное наследие 72 КЕЙТ ШОПЕН *Два рассказа*. Перевод и вступление Анастасии Ашитковой
- ИВ 94 МИХАИЛ ГОРЕЛИК *Восемь эпизодов из гуляющей допоздна маленькой книги*
- Современное эссе 117 “*Заняться хоть чем-нибудь*”. Составление и перевод Анны Лысиковой
- Черное — белое 133 ЗОРА НИЛ ХЁРСТОН *Рассказ и эссе*. Перевод Ирины Морозовой
- Американская готика 151 ЭДИТ УОРТОН *Керфол*. Рассказ. Перевод Михаила Вострикова и Анастасии Макеевой
- 168 СИЛЬВИЯ ПЛАТ *Мэри Вентура и Девятое королевство*. Рассказ. Перевод и вступление Анастасии Макеевой
- Триллер 182 МИНЬОН ЭБЕРХАРТ *Расследования Сюзан Дейр*. Две повести. Перевод Александра Авербуха
- 233 СТЕНЛИ ЭЛЛИН *Преступление Иезекииля Коэна*. Рассказ. Перевод Михаила Грачева
- Ничего смешного 255 КРИСТОФЕР МОРЛИ *Эссе, рассказы*. Перевод и вступление Михаила Матвеева
- Библиофил 276 *Книги вразнос. Что у нас переводят. И как*. Экспресс-рецензии Даши Сиротинской
- Библиография 279 *Американская литература на страницах “ИЛ” 2019–2021*
- Авторы номера 281

* Из стихотворения Иосифа Бродского
“Осенний вечер в скромном городке...”

Триллер

[182]

ИЛ 1/2022

МИНЬОН ЭБЕРХАРТ

Расследования Сюзан Дейр

Две повести

Перевод АЛЕКСАНДРА АВЕРБУХА

© 1934 by Mignon G. Eberhart. Renewed 1961. Reprinted by permission of Brandt & Hochman Literary Agents, Inc. All rights reserved.

© АЛЕКСАНДР АВЕРБУХ. Перевод, 2022

Пропавший

СЮЗАН Дейр ждала. Над нею в вечернем небе возвышался неясный контур Нотр-Дама, позади то и дело открывалась тяжелая дверь собора, пропуская входящих.

“Скоро придет”, – подумала Сюзан, слишком рано пришедшая на встречу с Мариеттой. Она вышла из дома загодя, поскольку не знала, где в Чикаго находится французский квартал. Вернее, не подозревала о его существовании.

Сюзан не удивилась, узнав, что пока не пройдут тяжелые времена, Мариетта будет жить в этом квартале. Конечно, она тяготела к своим.

“Узнаю ли я ее?” – подумала Сюзан. Ведь столько лет прошло с тех пор, как ее, девочку в отделанном рюшем белом платье и с огромными бантами на голове, возили на танцевальные занятия к мсье Берну.

— Танцует как фея, — одобрительно говорили тогда взрослые о Мариетте Берн, темноглазой девочке-тростинке. А теперь танцевальной школы мсье Берна уж нет, а крошечная Мариетта Берн выросла и стала балетной танцовщицей. Она позвонила Сюзан будто бы из волшебного прошлого.

Если бы не это прошлое, если бы не тихий и умоляющий голос в трубке, если бы...

— Да ладно, — сказала сама себе Сюзан, — признай правду! Тебя привела сюда не сентиментальность. И не в том дело, что художнику четвертого разбора, помолвленному с миниатюрной Мариеттой Берн, пришло в голову исчезнуть. Дело в мыле на кисточке для бритья.

Из полумрака появилась высокая худоцавая женщина и быстро подошла к дверям собора. В свете висевшего здесь фонаря Сюзан мельком увидела на редкость правильные черты лица и аккуратно уложенные темные волосы. Было в ней что-то такое — то ли шляпка, то ли линии тонкого легкого платья, — что в таком месте показалось неожиданным. Но для Сюзан имело значение лишь то, что это — не Мариетта Берн, ибо женщина, увидев ее, не приостановилась, а вошла в собор, и дверь за нею закрылась.

Несмотря на вечер, жара не спадала. Сюзан поправила белое легкое пальто, которое накинула на руку, и подумала, что правильно поступила, надев легчайшее в своем гардеробе платье, великолепно пошитое на заказ из тончайшего белого шелка.

“Скорей бы она пришла”, — подумала Сюзан, и именно в этот момент из полумрака показалась фигурка Мариетты.

Сюзан ее сразу узнала. Большие темные глаза изменились — теперь в них была печаль. Волосы образовывали темное облако вокруг ставшего теперь прекрасным лица в форме сердечка. Молодые женщины обменялись рукопожатиями, и Мариетта задержала руку Сюзан в своей.

— О, мисс Дейр, так вы займетесь этим делом, найдете Андре?

— Попытаюсь, — сказала Сюзан, испытывая неловкость от умоляющего взгляда Мариетты. — Попробую. Но успеха не обещаю.

— О, вы найдете, в этом не может быть сомнений! — воскликнула Мариетта. — Я о вас слышала. Книжки ваши читала. Вы можете разгадать любую загадку.

— Послушайте, моя дорогая, — осторожно проговорила Сюзан. — Вы уверены, что хотите знать все? Перенесете ли вы, если окажется...

— ...что он мертв, вы хотите сказать? — перебила Мариетта. Она сцепляла кисти рук так и сяк, но вдруг возле рта у нее появилось что-то, ясно говорившее о силе характера. — Я

должна знать, — шепотом проговорила она. — Что бы то ни было, я должна знать.

Сюзан имела в виду совсем другое: что художник сам пожелал исчезнуть.

— Видите ли, — добавила Мариетта, — он бы дал мне знать... если б мог. Если жив, дал бы мне знать обязательно.

Сюзан склонилась к принесенному с собой футляру для туалетных принадлежностей.

— Вы сказали мадам Тузу, что мы придем вместе? — спросила Сюзан.

— Да, — отвечала Мариетта. — Рядом с моей есть свободная комната. Я сказала ей, что вы моя подруга. Безработная. — Они спустились по лестнице и оказались в таинственном мраке. — Но мадам, — с сомнением добавила Мариетта, — очень проникательна.

— Позвольте уточнить: вы живете в доме, которым владеет мадам Тузу.

— Да. Там есть еще несколько квартирантов. Она называет нас гостями. Предоставляет также и стол, готовит чудесно. Все очень чисто и недорого.

— Сколько у нее квартирантов?

— Андре снимал студию в мансарде. Сейчас, кроме меня, квартируют лишь мистер Киндер и Луи Мельма. Прислуга на все руки, Агнес, ночует в другом месте.

— Расскажите, пожалуйста, еще раз, что случилось, — сказала Сюзан.

— Ну, прежде всего, надо вам знать, что мадам очень наблюдательна. В доме не может случиться ничего такого, чего бы она так или иначе не узнала. По ее словам, когда все (в том числе и Андре) вернулись в дом, она заперла двери на ночь, и это верно. Разумеется, теперь она говорит, что не совсем в этом уверена. Но на следующее утро двери были заперты изнутри. Это я знаю точно.

— А окна?

— Вряд ли, — сказала Мариетта. — Окна у него, знаете ли, очень высоко, прямо под ними тротуар. А в этом квартале дом лучше держать на запоре. В тот вечер — это была среда, два дня назад, — Андре попрощался со мной в коридоре. Я посмотрела, как он поднимается по лестнице к себе в студию в мансарду. Тогда я видела его последний раз. Он закрыл за собою дверь и... исчез. Просто как в воздухе растворился.

Несколько шагов молодые женщины прошли в молчании. По обе стороны узкой улочки стояли высокие дома, их убожество и закопченные стены скрывала темнота.

— Мадам не хотела, чтобы вы обращались в полицию? — спросила Сюзан, понизив голос.

— Она бы этого не позволила, — отвечала Мариетта. — Мадам непреклонна. Сами увидите.

Сюзан смуцало, что мадам говорила то одно, то другое. Возможно, та действительно не слышала, как ушел Андре, а потом, когда стало ясно, что его нет, принуждена была признать свою ошибку. Тем не менее дверь была заперта на засов изнутри. То ли в этом мадам ошиблась, то ли Андре вышел не через дверь. В конце концов, он мог выбраться и через одно из окон на первом этаже.

— Знала бы мадам, — тихо сказала Мариетта, — что я вам рассказала, пришла бы в ярость. Она говорит, что Андре устал... от меня.

— Пожалуй, он смог бы выбраться из дома, если бы захотел, — задумчиво проговорила Сюзан.

— Может быть, — согласилась Мариетта, но по голосу можно было догадаться, что такую возможность она решительно отвергает. — Но есть кисточка для бритвы, мисс Дейр. Скажите, возможно ли такое, что мужчина нанес жидкое мыло на влажную кисточку для бритвы и вдруг надумал исчезнуть? И ничего с собой не взять. Даже денег.

— Денег?

— Их не так уж много, — со вздохом сказала Мариетта. — Они были спрятаны под кирпичом камина. Я их забрала, — простодушно добавила она. — Не оставлять же их мадам. Я позабочусь о них в его интересах. Там было совсем немного.

— За объявлениями в газетах следили? — спросила Сюзан.

— Следила. Но ничего такого не было. Никаких несчастных случаев... никаких... — Мариетта поперхнулась и потом договорила: — ...самоубийств. По-моему, ничего такого, что могло бы быть связано с Андре.

Что ж, вряд ли мужчину, едва он начнет бриться, вдруг охватит желание совершить самоубийство, и он выбежит из дома, чтобы броситься... Куда? Может быть, в реку?

Было что-то странное и необъяснимое в этой незамысловатой истории, которая не шла из головы у Сюзан со времени телефонного звонка Мариетты. Человек, представлявший интерес лишь для нее и для самого себя, конечно, мог скрыться по собственному желанию. И все же такое отсутствие социальных связей настораживало. Почему он исчез так внезапно и бесследно?

— Были у него враги? — вдруг спросила Сюзан. — Располагал он когда-нибудь значительными деньгами?

— Нет-нет. Вы думаете о рэкетирах. Ничего такого не было. Андре интересовало только искусство.

Если он ушел из дому не по собственному желанию, значит, его похитили. Или убили. В таком квартале убийство, ве-

роятно, не считалось событием неслыханным. Но какой мог быть мотив?

Сюзан вспомнила о Джиме Бёрне, уехавшем на неделю за город после выполнения сложного задания, связанного с историей об экстрадиции, занимавшей тогда немало места на газетных полосах. Кроме того, Джим пока не видел умоляющего взгляда темных глаз Мариетты.

— Но Андре исчез всего два дня назад, — начала Сюзан. — Так что вам пока... — Сюзан не знала, что сказать далее. Мариетта вдруг резко повернулась к ней. В полумраке ее белое лицо с темными глазами показалось трагической маской.

— Мне страшно, — сдавленным голосом проговорила Мариетта. — Что-то с этим домом неладно. Что-то с ним ужасно не так. Что-то... Вот этот дом, мисс Дейр.

Мариетта обернулась, и Сюзан посмотрела на темный дом, неясно вырисовывавшийся в темноте над ними, и поняла, что желает скорейшего возвращения Джима. Она могла бы уйти, если бы захотела, ничто ее здесь не удерживало.

Тяжелая дверь, на которой много лет собиралась чикагская копоть, за ними закрылась, и Сюзан, моргая и шурясь, рассматривала освещенную мягким светом просторную и даже элегантную прихожую. По-видимому, дом относился к числу некогда прекрасных зданий, полукругом опоясывавших Чикаго и в дальнейшем постепенно уступавших место складам, фабрикам и жилищам для прибывавших нескончаемым потоком рабочих-иммигрантов.

Мариетта подвела Сюзан к широкому дверному проему, за которым начиналась вытянутая в длину гостиная, заставленная мебелью и растениями в горшках. Повсюду были многочисленные вышитые и украшенные кружевами подушечки, скамеечки для ног и столы, покрытые нарядными скатертями.

В гостиной у такого стола возле лампы сидели двое: коренастая женщина лет пятидесяти, склонившаяся над чем-то вроде подушки у себя на коленях, и мужчина за какой-то карточной игрой.

— Мадам, — сказала Мариетта, — это моя подруга мисс Дейр.

Мадам повернулась, и в свете лампы стали видны гладкие темные волосы, грубые, крупные черты смуглого лица, черные глаза и над верхней губой едва заметные усики. На нижнем веке сидело две родинки, придававшие лицу чрезвычайно злое вид.

Мадам, сама одетая в высшей степени опрятно, осмотрела Сюзан с головы до ног. По-видимому, каждый желавший поселиться в ее доме должен были пройти своего рода испытание и удовлетворять требованиям, засевшим когда-то в галль-

ском сознании мадам Тузу. Сюзан сразу поняла, что этим требованиям соответствует не вполне.

Мадам, обращаясь к Мариетте, что-то быстро проговорила по-французски, и в ответе молодой женщины Сюзан поняла лишь слово “универмаг”. Этот ответ как будто бы несколько смягчил мадам, она улыбнулась, обнажив крепкие желтые зубы.

— Можете занять одну из моих комнат, — сказала она. — Я вам сейчас покажу. Подруга Мариетты... — Мадам не договорила, но Сюзан поняла, что Мариетта поручилась за ее благонравие. Мужчина, сидевший за столом, со вздохом перевернул карты.

До появления Мариетты и Сюзан мадам плела кружево из белых нитей. Она была опытная кружевница, и ее ширококостные крепкие руки совершали невообразимо быстрые и точные движения. Крошечные деревянные коклюшки тихонько застучали друг о друга, когда она положила подушечку с прикрепленным к ней булавками кружевом, которое плела.

— Что, на улице так же жарко, как в доме? — спросил, повернувшись к Мариетте, сидевший у стола мужчина, машинально передвигая карты в колоде.

— Там еще хуже, — ответила Мариетта. — Мисс Дейр, это мистер Киндер.

Он встал и поклонился. Это был узколицый и узкоплечий брюнет неопределенного возраста с клочковатой черной бородой и удивительно толстым телом на длинных тонких ногах. Его глаза казались усталыми, а взгляд пронизательным. Он стал говорить Сюзан какую-то любезность, и в это время мускул на лице у него подергивался.

— Не пройдет ли со мной, мисс Дейр? — сказала вдруг мадам. — Должна попросить вас зарегистрироваться в журнале. У меня не отель и не меблированные комнаты, но тем не менее букву закона следует уважать.

Щелкнув выключателем, она зажгла свет в прихожей над длинным столом, покрытым промокательной бумагой, и подвинула к Сюзан небольшой гроссбух.

— Укажите, пожалуйста, ваше имя и предыдущий адрес. И род занятий. Вот ручка.

Сюзан медленно опустила на выдвинутый для нее стул и взяла ручку. Мадам не желала испытывать судьбу, да и закон, возможно, требовал, чтобы сдававшие жилье вели такие журналы, так что вряд ли следовало считать регистрацию уловкой, позволявшей не допустить в дом нежелательных жильцов.

Сюзан просмотрела имена на раскрытой для нее странице журнала, и взгляд ее стал задумчивым.

Стало быть, Мариетта не ошибалась. Что-то с этим домом было неладно.

Сюзан, помня о том, что мадам не сводит с нее задумчивых глаз, медленно написала свое имя и адрес. Последним до нее записался Луи Мельма. Поскольку Мариетта сказала мадам, что Сюзан безработная, место работы она указывать не стала.

Мадам перечитала написанное Сюзан в журнале и первой стала подниматься наверх.

В комнате, которую она показала, было невыносимо жарко, душно и безупречно чисто. Едва мадам вышла, Сюзан открыла окна.

Было по-прежнему жарко, воздух, казалось, застыл — ни дуновения. Откуда-то приглушенный расстоянием и жарой едва доносился шум поезда надземной железной дороги. Выше, на третьем этаже, находилась студия, из которой столь загадочно исчез Андре Кавальер, и Сюзан подумала, что завтра не спеша осмотрит ее.

Тихонько пришла Мариетта и рассказала о размещении гостей в доме мадам. По одну сторону от комнаты Сюзан находилась комната Мариетты, а по другую — незанятая. Еще одна свободная комната была в тыльной части дома.

— Сама мадам, — сказала Мариетта, — занимает большую комнату, окнами на улицу, на втором этаже возле лестницы. По другую сторону коридора живет мистер Киндер. У него самая большая комната, и платит он больше других жильцов. А за стеной у него — Луи.

— То есть Луи Мельма?

— Да, Луи Мельма. Он занимается импортом всяких восточных штучек. Приехал сюда на “Столетие прогресса”¹.

— И давно он здесь?

— Почти два года. Он знает Андре. Тот изготавливал для него силуэты. Но остались они в хороших отношениях.

— А кто такой Киндер?

— Он уже квартировал здесь, когда я переехала к мадам два года назад. В прошлом торговый агент, сейчас на пенсии. У него неважное здоровье.

— Он знал Андре?

— Знал. Мы тут все знакомы. Мадам называет нас своей семьей.

Искренность чувств, которые мадам испытывала к членам своей “семьи”, у Сюзан вызывала некоторые сомнения. С другой стороны, даже тигр может урчать для своей будущей жертвы и прятать когти.

— Уже поздно, — сказала Сюзан. — Утром еще поговорим.

1. Международная выставка-ярмарка, проходившая в Чикаго в 1933–1934 гг.

Но после ухода Мариетты она долго сидела у окна. Мадам, Мариетта, Киндер и Луи Мельма. Андре Кавальер, исчезнувший из этого дома, где так жарко и так тихо.

Два дня назад, когда Кавальер ушел к себе в студию в мансарде, в доме кроме него находилось всего четверо. Не имел ли хотя бы один из них отношения к его исчезновению?

В ночной тишине это представлялось возможным.

За закрытой дверью своей комнаты, находившейся в том же коридоре, что и комнаты жильцов, мадам ждала, подобно тигру в засаде, слышала каждый шорох и знала о любом движении на лестнице или в коридоре, Сюзан нисколько в этом не сомневалась. Если Андре в тот вечер вышел из дому, мадам знала об этом. Но если он не выходил, то что же с ним случилось? Эта неприятная мысль донимала Сюзан всю ту долгую душную ночь.

Забрезжил рассвет. Воздух оставался все таким же теплым и туманным. Каждый вдох давался с трудом.

Пока все завтракали в столовой на первом этаже, Мариетта повела Сюзан в мансарду.

— Я взяла ключ, — сказала она, отпирая невысокую дверь, которая прямо с лестницы вела в широкое помещение, тянувшееся по всей длине дома и лишь под стропилами частично перегороденное оштукатуренными стенами. Невысокий, также оштукатуренный потолок повторял форму двускатной крыши и внизу был увешан живописными картинами.

В одном конце этого длинного помещения находилась своего рода кухня с небольшой газовой плитой, столом и несколькими полками. Кушетка, зеркало и туалетный столик были отгорожены ширмой.

— Вот, — показала Мариетта, и Сюзан наклонилась, чтобы рассмотреть принадлежности для бритвы. Кисточка высохла, но к ее волоскам прилипли белые хлопья засохшего мыла, выжатого из лежавшего рядом тюбика. Тут же находилась безопасная бритва.

Все было именно так, как говорила Мариетта, но, разглядывая белые ленточки мыла и чистую бритву, Сюзан твердо решила, что Андре Кавальер не намеревался исчезать. Сомнений в этом быть не могло.

— Нашли что-то?

— Не более чем вы мне рассказали, — ответила Сюзан. — Где были спрятаны деньги?

Мариетта быстро прошла к камину и показала кирпич, который мог выниматься. Это стало бы сразу ясно всякому. Так что, вероятно, история с исчезновением не имела отношения к деньгам, но место их хранения лишний раз указывало на то, что Андре Кавальер исчезнуть не намеревался.

Сюзан задумчиво осмотрела комнату, где работал и бездельничал Андре. Ветхие, но на вид удобные кресла. Мольберты. Заляпанный красками стол. Пепельницы. Два небольших половика, очень тонких и ветхих. Сюзан показалось интересным, что их положили на пол, пренебрегая соображениями практического назначения и симметрии. Один криво лежал, вернее, был брошен перед камином. Другой довольно аккуратно расстелили под креслом, но само кресло стояло под странным углом по отношению к другим предметам мебели, находившимся в помещении.

Сюзан подошла к этому креслу.

Ей показалось странным, что оно стояло в самом центре половичка. Странно...

На лестнице послышались шаги.

Мадам отворила дверь и окинула взглядом Сюзан и Мариетту.

— Значит, Мариетта рассказала вам о своих бедах, — хриплым голосом проговорила мадам. — Она еще глупа. Молодой человек ушел. Да. Но не Мариетте его отыскать. Вернется, если пожелает. Ваш завтрак, — твердо добавила мадам, — ждет.

Все вышли на лестницу. У мадам был свой ключ от студии, и она заперла дверь в мансарду. Сюзан заметила, что другой ключ от студии Мариетта зажала в кулачке.

Стали спускаться и уже дошли до второго этажа, когда случилось нечто, показавшееся тогда незначительным.

На нижней ступеньке стоял поднос с грязными тарелками, оставшимися после завтрака, и со смятой салфеткой.

Заметив беспорядок, мадам остановилась, затем бросилась к подносу, схватила его своими сильными руками и посмотрела на Сюзан и Мариетту.

— Мистер Мельма, — сказала она, — нынче утром завтрак у себя. Агнес очень беспечна. Ей не следовало ставить поднос на ступеньку.

Мадам повернулась, стала спускаться на первый этаж, и ее черное платье из тонкой ткани зашумело.

Молодые женщины пошли за нею следом. Сюзан, ничего не говоря, протянула руку Мариетте. Та, поняв, вложила в нее ключ от студии.

Мадам налила им кофе и, шумя платьем, удалилась.

Часом позже Сюзан пошла к себе и обнаружила, что мадам сидит в своей комнате, дверь широко открыта, из нее виден весь коридор и вход на узкую лестницу, ведущую на третий этаж. Сюзан открыла дверь к себе, как бы в надежде оказаться на прохладном сквозняке, взяла книгу и таким образом начала длительную и безмолвную дуэль с черноглазой францу-

женкой. То и дело в коридор, нервничая, выходила Мариетта, бросала взгляд на Сюзан и на мадам и снова исчезала.

Дверь комнаты Джона Киндера находилась напротив двери Сюзан и оставалась закрытой. Но один раз смуглый брюнет с орлиным профилем, невысокий, коренастый и гибкий, вышел оттуда, бросил на нее быстрый внимательный взгляд и стал спускаться по лестнице.

Несомненно, это тот, кого Мариетта называла Луи Мельма. Выглядел он, приходилось признать, способным без посторонней помощи совершить любое из преступлений, перечисленных в десяти заповедях. Но с Андре его ничто не связывало. Впрочем, ничто не связывало Андре и с остальными жильцами, кроме Мариетты. Может быть, бдительность мадам могла бы предоставить путеводную нить к... К чему?

Было уже за полдень, когда Сюзан придумала способ отвлечь мадам. Впрочем, заинтересовать ее деньгами, взятыми из комнаты Андре, взялась Мариетта. К этому времени обе молодых женщины находились в гостиной, мадам по-прежнему сохраняла бдительность.

— Деньги! — сказала она. — Вы взяли деньги из его комнаты! Сколько?

— Я... не считала, — сказала Мариетта, неожиданно проявив хитрость. — Я подумала, при мне целее будут. Не желаете ли взглянуть?

Мадам посмотрела сначала на Сюзан, потом на Мариетту.

“Деньги, — подумала Сюзан, — единственная наживка, на которую она клюнет”.

— Пожалуй, стоит посмотреть, — сказала мадам. — Если Андре Кавальер не вернется, эти деньги придется удержать. Он мне должен, понимаете?

Все трое пошли в комнату к Мариетте. Стараясь ступать бесшумно, Сюзан отстала и, услышав, что дверь в комнату молодой женщины закрылась, быстро прошла по коридору и поднялась по лестнице на третий этаж.

Потом она ни разу не пожалела, что с нею не было Мариетты.

Сюзан отодвинула кресло и заглянула под половику, на котором оно стояло.

Там, на полу из старых сосновых досок, она увидела подозрительное пятно с неровными краями. Прежде здесь, несомненно, была кровь, но недавно ее тщательно соскоблили. Сюзан сидела на корточках и смотрела на пятно.

Теперь бдительность мадам принимала новое и страшное значение. Выходило, что она знает что-то о случившемся в студии.

Сюзан поднялась на ноги.

Тщательный осмотр студии занял немного времени, ибо бременное мало интересовало Андре Кавальера. Сюзан обратила внимание, что он много курил — пепельницы были пусты. Кроме того, он делал наброски со всех жильцов, которых избражал в самых разных позах.

Сюзан наскоро просмотрела содержимое портфеля с набросками, лежавшего на широком столе. Вот мадам в повседневном черном, вот ее голова с лоснящимися волосами склоняется над кружевом; вот она анфас с полуопущенными веками, вот Джон Киндер то с комичной бородой, то с бородой, как у церковного старосты, то вообще без бороды. Среди набросков попался шарж: художник изобразил Луи Мельма с головой, повязанной носовым платком, с огромными кольцами в ушах, с ножом, зажатым в белых зубах, и совершенно не шуточным выражением глаз. Были тут также наброски женщины с прекрасными чертами лица, которое показалось Сюзан как будто знакомым. Андре много рисовал Мариетту. Сюзан закрыла портфель и зажала его под мышкой.

Следовало спешить. Мариетта не могла занимать мадам пересчетом денег вечно.

По дороге к лестнице Сюзан задержалась, чтобы вернуть на прежние места половик и кресло. Кто их так поставил? Кто выскоблил это пятно под половиком до такого состояния, что выскобленная часть стала светлее окружающего пола? Кто... Сюзан наклонилась и взяла маленький предмет, застрявший между подушками кресла так, что снаружи торчал лишь его тупой конец. Она постояла, держа этот предмет двумя пальцами и медленно поворачивая его. Это была небольшая деревянная коклюшка, какие используются при плетении кружев.

Сюзан зажала ее в ладони. В мансарде быстро темнело, становилось все более душно, как это бывает перед грозой. Руки мадам, сильные и крупные, неумоимо плетущие кружево. Руки мадам, несущие поднос с тарелками. Руки мадам, отскабливающие пятно на полу. Сомнений, что это дело рук француженки, почему-то не оставалось.

Сюзан решила, что в мансарде ей делать больше нечего, и направилась к лестнице.

В коридоре второго этажа было довольно темно. Пока Сюзан тихонько шла к своей комнате, дверь в торце коридора отворилась, и в ее проеме на фоне светлого окна, расположенного еще дальше, появился силуэт мадам.

Эту комнату Сюзан считала незаселенной. Откуда у нее твердое убеждение, что там был кто-то еще? Возможно, основание для него дал поворот головы мадам, заставлявший по-

дозреть, что в тот момент, когда она показалась в дверном проеме, говорившие в комнате вдруг умолкли.

Сначала Сюзан подумала, что в сумерках узкого коридора мадам, глядя из комнаты, в которой было светло, ее не заметит. Но Сюзан открыла дверь своей комнаты, и зеленоватый свет из окна ударил ей в глаза, и она заметила, что фигура в черном в нерешительности остановилась.

Заперев дверь на небольшую задвижку, чтобы не помешали, Сюзан открыла портфель, разложила вокруг себя по полу наброски, сгруппировала их по тому, кто был на них изображен, и, как зачарованная, рассматривала, что получилось.

Как будто она знала этих людей всю жизнь, как будто выражения их лиц давно были ей известны. Так выглядит мадам, когда довольна, она очень любезна и едва не мурлычет, поскольку новый жилец заплатил в срок. Такое у нее лицо, когда она плетет кружево, такое — когда обрадуется, такое — когда рассердится.

Андре рисовал и Луи Мельма в разных эмоциональных состояниях. Рассматривая наброски с ним, Сюзан обратила внимание на то, что неизменно присутствовало в этом пиратском лице с орлиным профилем и маленькими темными глазами, пожалуй, слишком близко посаженными: на жадность, подчинение всего остального в жизни главному — стремлению к наживе.

Да, пожалуй, единственной сильной стороной Андре Кавальера была способность угадывать характер человека, так что, рисуя глаза Луи Мельма, главную силу, побуждавшую его к деятельности, алчность, художник мог передать единым штрихом.

Джон Киндер, располагая неограниченным количеством свободного времени, позировал часто и подолгу. Андре изобразил его в десятке разных ракурсов, и Сюзан подолгу задерживалась на каждом. Была тут и Мариетта: Сюзан долго рассматривала наброски с нею и пришла к убеждению, что художник, несомненно, любил Мариетту и расстался с нею не по собственному желанию. Но это Сюзан и так уже знала. Бедная Мариетта!

Сюзан так задумалась, что перед тем, как обратиться к последней группе рисунков, изображавших незнакомую женщину, ей пришлось включить единственную свисавшую с потолка электрическую лампочку. Женщина была изображена лишь в двух ракурсах, и при ярком свете Сюзан вспомнила, где видела эти почти совершенные черты лица.

Не могло быть сомнений, что это та самая женщина, которая накануне вечером так быстро появилась из полумрака, поднялась по лестнице, прошла под фонарем и скрылась в соборе Нотр-Дам.

Сюзан нахмурилась и откинула со лба мягкие светлые волосы. Только ли у собора она видела эти совершенно правильные черты? А если где-то еще и часто, то кто это?

Сюзан вздохнула, подумала, что хорошо бы гроза прошла стороной, и стала снова рассматривать наброски. Над одним из них она задумалась очень надолго.

Время шло. Небо медленно темнело, нагретый солнцем дом по-прежнему ожидал грозы. Когда в дверь робко постучала Мариетта, Сюзан уже знала то, чего не знала раньше.

Стук вывел ее из печального размышления о том, что Андре Кавальер оставил после себя, в сущности, дневник о приближении своей смерти.

Он был убит, в этом Сюзан не сомневалась.

Как следовало поступить?

Обращаться в полицию на данном этапе было бессмысленно. Что могла сказать Сюзан? Я знаю, что этого человека убили, потому что в студии есть пятно на полу, который недавно скоблили и который, по моему мнению, был залит кровью. Потому что сам художник исчез. Потому что в его портфеле с набросками остались определенные люди, изображенные в разных позах. На это спросят, и с полным основанием: а где же кровь?

Если бы она знала чуть больше и ей не было бы нужды искать вслепую в течениях мыслей и чувств, посещающих окружающих ее! Впрочем, эта способность искать вслепую представляла собой ее сильную и уязвимую сторону одновременно! Сюзан криво улыбнулась. Будь здесь Джим, он бы помог. Без него ей предстояло самой найти веские основания для того, что подсказывала ей интуиция, если это действительно подсказывала интуиция. Найти зацепки. Найти неопровержимые улики.

— Войдите, — сказала Сюзан, услышав стук Мариетты, и тут только вспомнила, что дверь закрыта на задвижку, и поднялась с пола, чтобы ее открыть.

Вошла Мариетта в своем мягком белом платье, бледная, как призрак. Сюзан в это время собирала наброски в стопку, верхним в стопке был портрет женщины из Нотр-Дама.

— Знаете ее? — прямо спросила Сюзан.

— Нет, — отвечала Мариетта. — Это один из набросков Андре.

— Никогда ее не видели?

— Н-нет. То есть лицо как будто знакомое. Но мы точно не знакомы. И этого наброска я прежде не видела.

— Могло ли так случиться, что уже после вашего знакомства с Андре она бывала в этом доме без вашего ведома?

— Да, прошлой осенью я на полтора месяца ездила на гастроли. Она могла бывать здесь тогда. Луи Мельма на это время тоже уезжал по делам. И да, вспоминаю, тогда же отсутство-

вал и мистер Киндер. Уезжал на праздники, он сам говорил, примерно на неделю. Но если она — я об этой женщине — и бывала здесь, то Андре мне об этом не говорил. Вы же не хотите сказать... вы же не думаете, что он уехал с нею? — Мариетта просительно и умоляюще заглядывала в глаза Сюзан.

— Нет, — мягко сказала та. — Он не уехал с нею. Есть ли у мадам Тузу близкие? Дети там или... вообще родственники. Или хотя бы близкие друзья.

Мариетта покачала головой.

— Нет, только, кажется, племянница где-то в Калифорнии. Я ее никогда не видела. Мадам очень скрытная. Она часто повторяет, что мы, гости, — члены ее семьи, да я вам уже говорила. — Мариетта помялась. — Боюсь, — продолжала она, — мадам догадывается, зачем вы здесь. Она спрашивала меня... задавала множество вопросов. Она... — Мариетта поехала, несмотря на жару, — ...она следит за нами.

Сюзан погрузилась в размышление, отыскивая в памяти какое-то сказанное слово, смысл которого следовало понять.

На этот раз ей предстояло самой, без Джима, подтвердить фактами то, что она обнаружила с помощью “волшебной лозы”¹, то есть собственного ума. Посредством слепых щупалец чего-то, что, вызывая обоснованные опасения, напоминало интуицию, но не было и ею.

Тишина казалась тяжелой, как листья за окном.

— Мариетта, — сказала Сюзан, — прошу вас купить мне кое-что, но важно, чтобы, когда вы вернетесь, мадам покупок не видела.

Сюзан помолчала, глядя на открытую фрамугу. Затем подошла к окну, рассмотрела старомодные шторы и легкий стержень, закрепленный у их нижней кромки и не позволявший им собираться в складки.

— Принесите, — сказала Сюзан Дейр, — все киножурналы, какие только сможете найти. И зеркало. Сойдет зеркало для бритья, но лучше бы косметическое зеркальце, вы такие, конечно, видели. Они с такой подставочкой и примерно пятнадцать сантиметров в диаметре. Сегодня за ужином, когда все сядут за стол, прошу вас сказать мадам, что вы намерены сообщить в полицию об исчезновении Андре. Постарайтесь, чтобы это ваше заявление было как можно более впечатляющим. И потом, когда я заговорю об Андре, поддержите разговор, соглашайтесь со мной.

1. Прут или сходный предмет, с помощью которого лозоходец отыскивает воду или руду.

— Хорошо, — сказала Мариетта и ушла.

Сюзан спрятала наброски и вышла в коридор. Дверь мадам была закрыта. Вероятно, та перенесла свой наблюдательный пост на первый этаж, в гостиную. Сюзан осмотрела свою комнату, нашла кнопку звонка и позвонила.

Ее план, однако, не удался. То ли звонок не работал, то ли Агнес, весьма загадочная служанка, была занята на кухне. Сюзан звонила несколько раз, но ответа так и не дождалась.

Что ж, этот план, предполагавший участие Агнес, можно было и отложить.

Но требовалось выяснить, кто занимал комнату в тыльной части дома, считавшуюся незанятой. А вернее, понять, кого в ней не было.

Но и этот план не удался. Сюзан удалось приблизиться к комнате в тыльной части дома, оставшись, насколько она могла судить, незамеченной. Затаив дыхание, она прислушалась, приложив ухо к темному дереву закрытой двери, но из-за нее не доносилось ни звука. Она собиралась постучать и открыть. Но что-то в окружавшей ее тишине и мраке помешало. Она была не слишком уверена в себе. В конце концов, в этом доме убили человека. Убили преднамеренно и хладнокровно. Это она знала твердо.

Убийца умело и тщательно скрыл следы. Так умело и так тщательно, что не оставил никаких улик, — как будто ничего и не произошло. Из имеющихся свидетельств — лишь узкая коричневая кайма вокруг выскобленного места под половиком и наброски в портфеле Андре Кавальера.

Но одну ошибку убийца все же совершил.

И в тот вечер, если выводы Сюзан верны, он должен был попытаться эту ошибку исправить.

Но что она сможет предпринять потом? Потребуется помощь, на которую можно было бы рассчитывать.

Из комнаты не доносилось ни звука. Сюзан тихонько вернулась к себе и взяла шляпку. На этот раз она, не скрываясь, прошла по коридору и спустилась по лестнице.

Сидевшая над кружевом мадам подняла глаза. Джон Киндер выпустил карту, которую держал двумя пальцами, и тоже посмотрел на Сюзан.

— Пройдусь, — сказала она. — Если Мариетта будет спрашивать, будьте добры, скажите ей, что я пошла прогуляться.

Несмотря на полумрак, мадам пристально посмотрела Сюзан в глаза.

— Дверь, — спокойно сказала она, — заперта. Ключ у меня. Мариетта тоже только что пошла прогуляться. Но мисс Дейр я идти не советую. Потому что, — медленно проговорила ма-

дам Тузу, — вот-вот начнется гроза. Мадмуазель попадет под дождь.

Сюзан вцепилась в перила. Ее сердце вдруг подпрыгнуло и стало колотиться в горле. Что за нелепость!

Она взглянула на Джона Киндера, но тот безмятежно погрузился в свою карточную игру, будто не слышал угрозы в голосе мадам.

Сюзан спустилась с лестницы, но мадам оказалась у двери первой и своим крупным телом, представлявшим собой непреодолимое препятствие, заслонила ее.

— Это платье, — сказала француженка, — слишком красиво, слишком дорого, чтобы позволить ему испортиться. Уж я-то знаю толк в пошиве красивых платьев. Меня тут не проведешь, — медленно добавила она, — как и ни в чем другом: я не верю, что мисс Дейр желает гулять под дождем. Нет.

В словах мадам звучала неприкрытая угроза. Но не могла же она долго удерживать Сюзан в этом доме. Не посмела бы.

Не посмела бы? Но на другое у нее смелости хватило.

Мысли мелькали в голове у Сюзан. Мадам явно стремилась выиграть время. Время ей было необходимо, иначе она бы действовала совсем иначе. Сюзан подавила желание вступить в открытое столкновение с мадам, но на мгновение мысль о физической борьбе за ключ, бешеное желание выбежать из этого погруженного в тишину дома с кровавым пятном в мансарде одолевали Сюзан, как одолевает истерия.

Но француженка была сильнее. И потом рядом сидел Киндер. И кроме того, вдруг на лестнице за спиной у Сюзан кто-то тихо произнес вполне банальные слова:

— Мадам Тузу, нельзя ли мне поужинать сегодня немного раньше обычного? — Это был Луи Мельма.

Тут, будто от толчка, многочисленные фрагменты картины по волшебству сложились в осмысленное изображение — и вдруг характер этой сцены резко изменился и стал обыденным. Сюзан теперь дышала без усилий. Мрачное лицо мадам разгладилось и, когда она спокойно заговорила с Луи Мельма, приняло озабоченное выражение.

Только что она посоветовала Сюзан не выходить под дождь, вот и все.

— Не отопрете ли дверь, мадам Тузу? — спросила Сюзан. — Хочу выйти, пока дождь не начался.

Хватит ли у этой женщины духу отказать?

Но ее темные глаза встретили взгляд Сюзан и засветились, как тлеющие угли. Она помолчала и улыбнулась.

— Разумеется, если вам так угодно, — сказала она, повернулась и отперла дверь. — Однако если дождь пойдет, будет плохо.

Сюзан заметила вопросительно повернувшееся к ней лицо Киндера и все время помнила, что позади нее на лестнице стоит Луи Мельма. Но дверь на улицу была открыта. Сюзан прошла мимо мадам и спустилась с крыльца.

Магазины находились где-то квартала через два, ибо Сюзан смутно помнила участок ярко освещенной улицы по правую сторону, когда они с Мариеттой накануне вечером шли от собора. Сюзан свернула в этом направлении.

Смутила легкость победы, заставлявшая Сюзан сомневаться в верности ее выводов. Выглядело дело так, что мадам просто предостерегала ее от дальнейших попыток разобраться в судьбе Андре, с презрительной усмешкой отмечая возможность, что Сюзан располагает сведениями, представляющими интерес для полиции.

Становилось все яснее, что эпизод у входной двери представлял собой лишь предостережение со стороны мадам Тузу, которая в таком случае была вполне уверена в собственной неуязвимости. Но она пока не знала, что у Сюзан есть наброски. Не знала, что одна из ее коклюшек теперь лежала в белой дамской сумочке, которую взяла с собой Сюзан. Не знала, что на лестнице у собора Сюзан видела женщину с наброска Андре.

И все же вся ткань рассуждений, созданная Сюзан, могла быть порочной. Вероятно, ей не хватало какого-то лежащего на поверхности факта, от которого зависела основательность ее подозрений.

Редко на перекрестке в Чикаго нет магазина, где продаются лекарства, туалетные и канцелярские принадлежности, мороженое, кофе, журналы и где также можно перекусить. Это вполне относилось к перекрестку, на котором теперь остановилась Сюзан. В магазине у сатуратора¹ толпились разомлевшие от жары потеющие клерки, пившие из высоких стаканов газировку со льдом. Сюзан достала несколько монет по пять центов и подошла к ряду телефонных будок, которые когда-то выкрасили под красное дерево, но теперь краска почти повсюду облупилась и держалась лишь пятнами.

Телефонный номер газеты "Рекорд" в Чикаго общеизвестен. Сюзан попросила, чтобы ее соединили с ним и стала ждать. Джим, конечно, вчера уехал из города, но это не означало, что сегодня его в городе нет. Если бы оказалось, что он не вернулся, Сюзан просто не знала бы, что делать дальше. Вероятно, лучше всего было бы просто ждать. Но она сомневалась, что у нее хватит духу.

1. Аппарат для насыщения жидкости углекислым газом.

В тесной телефонной будке было невероятно жарко. Далекый голос на другом конце провода сказал, что она позвонила в “Рекорд”, и передал Сюзан другому голосу, обладатель которого после колебаний, к ее невероятному облегчению, отвернувшись от трубки, крикнул:

— Эй, Джим!

— Алло, алло...

Это был Джим Бёрн.

— Джим, — тихо проговорила Сюзан, — о Джим, я так рада, что ты здесь!

— Привет, Сю. Что стряслось?

— Не знаю. Не знаю, но, по-моему, убийство...

— Боже мой! — сказал Джим. — В такую жару!

— Мне кажется, я знаю, кто убийца.

— Ты где? Где тело?

— Я в “Сибли и Лумис”...

— Как? — закричал, не расслышав, Джим.

— В “Сибли и Лумис”, — твердо проговорила Сюзан. — В телефонной будке.

— Голос у тебя испуганный, — сказал Джим. — Никуда не уходи. Приеду... минут через десять. Пока.

Сюзан села за столик.

— Два лимонада в высоких стаканах, — сказала она подошедшему к столику парню в белом фартуке. — Льда побольше.

— Два? — переспросил тот, не сводя глаз с Сюзан, как бы оценивая ее способность столько выпить.

Джим приехал на три минуты раньше обещанного срока.

— Ангел, — сказал он, глядя на стакан лимонада со льдом, — это мне?

— Пей, — отвечала Сюзан. — И не задавай вопросов, пока не закончу. Джим, может кто-нибудь скрывается в доме у мадам Тузу? Это меблированные комнаты во французском квартале. Кто-то весьма известный. Кто хотел бы избежать внимания к себе.

Джим ослабился.

— Таких немало, моя дорогая. Например, птица, которую я пытался отыскать, — он сделал большой глоток и добавил: — Но все говорят, что она уехал за границу. Так целее будет. Читала о разоблачениях Антона Бёрджеса? Покуда *его* не видно, многие здесь, в Чикаго, могут спать спокойно. Их обвиняют в растратах.

Сюзан нахмурилась.

— Да, читала. Джим, можешь вернуться в дом вместе со мной? Видишь ли, у меня есть наброски, хочу их тебе показать. Основные факты этого дела просты. Человек по имени Андре Кавальер, художник, обрученный с Мариеттой Берн...

— Берн, — остановил ее Джим. — Балетная танцовщица?

— Да. Он... в общем, просто исчез. И, по-моему, убит.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что на полу в мансарде, — сказала Сюзан, — следы крови. Но их соскоблили.

Джим долго смотрел ей в лицо. Затем подозвал официанта.

— Еще два, — сказал он. — Чьей крови, Сюзан?

— Мне надо, чтобы ты посмотрел наброски, — не отвечая на вопрос, продолжала Сюзан. — Хочу знать, увидишь ли ты в них то же, что и я. — Она снова нахмурилась. — Бёрджес, — задумчиво проговорила она. — Да, может быть, ты прав.

Джим поставил свой стакан.

— Послушай, Сюзан, — серьезно сказал он. — Если ты наткнулась на Антона Бёрджеса, пусти меня вперед, мисс Санта-Клаус. Журналисты-расследователи всех газет Соединенных Штатов пытаются отыскать его уж года два.

Сюзан покачала головой.

— Ты уверен, что узнаешь его при встрече?

— Да, — уверенно отвечал Джим. — Думаю, да. Но ты чего-то не договариваешь, Сюзан. Чего?

Она снова покачала головой.

— Сам увидишь. Я могу ошибаться.

Джим, задумавшись, уставился на нее голубыми глазами поверх пустых стаканов. Выражение его лица с неправильными, но приятными чертами было сосредоточенным.

— Ладно, — сказал он наконец. — Подкрепление потребуется?

— Полиция? Нет. Этот случай позволит тебе показать в деле твой ирландский язык, Джим. Думаю, — медленно продолжала Сюзан, — у нас есть рычаг, которым ты сможешь действовать.

Джим подтолкнул монеты усталому официанту, и вслед за Сюзан вышел в уличную жару. Они повернули к собору Нотр-Дам.

— Я и забыл о существовании французского квартала, — сказал Джим. — Чтобы скрыться, лучше места не найти. Забытый район посередине огромного города, окаймленного кварталами, заселенными представителями разных диаспор. Расскажи мне все, Сю.

— В общем, — осторожно начала Сюзан, — у меня есть план. Это не так уж много, но может сработать. Я послала Мариетту за киножурналами и небольшим зеркалом.

— Зеркало, — сказал Джим, — наводит на мысль о перископе. Но будь я проклят, если понимаю, для чего тебе киножурналы. И как провести меня в этот дом? Скажешь, что нашла себе дружка?

— Не знаю, — ответила Сюзан, скептически рассматривая Джима. — Боюсь, сейчас даже деньгами мадам не заставить взять нового жильца. Особенно такого, в подозрительно хорошо пошитом костюме, если он появится вскоре после моего возвращения. Думаю, простейший способ будет и лучшим — давай-ка я впушу тебя, когда все будут сидеть за ужином.

Оказалось, это просто. В доме было значительно темнее, чем на улице и, хотя в гостиной горел свет, никто не видел, как Джим прошел через прихожую. Теперь, зная, что можно рассчитывать на Джима, сидевшего в комнате наверху, Сюзан почувствовала себя увереннее.

Этого ужина, ее первого и последнего в доме мадам Тузу, Сюзан не забудет никогда. Она навсегда запомнит узкую столовую с коричневыми стенами, встроенный буфет с зеркалом, массивную люстру на потолке. Столовое белье и суп оказались неожиданно хороши, а мадам — черные волосы и поблескивающие глаза — приосанившись, сидела во главе стола и держалась так, как будто за ним действительно собрались ее гости. Луи Мельма сидел визави Сюзан. Джон Киндер ел очень мало, исключительно растительную пищу, и большей частью молчал. При появлении Сюзан Мариетта вздохнула с облегчением, которое попыталась скрыть, сказав что-то о грозе.

Одно окно еще до ужина было открыто, и горячее дыхание ветра то втягивало занавеску в столовую, то прижимало к сетке от насекомых, натянутой в проеме окна.

“Не указывает ли это на то, что Чикаго находится в зоне циклонов?” — подумала Сюзан, принимая суп из гомбо¹ с цыпленком от Агнес, служанки, которую видела впервые. В этой некрасивой полной женщине маленького роста загадочного было не больше, чем в фонарном столбе. Она сразу ушла на кухню.

Мариетта подняла свои темные глаза и посмотрела прямо на мадам Тузу.

— Наверно, лучше будет предупредить вас, — сказала Мариетта, — что завтра утром я намерена обратиться в полицию.

Мадам помрачнела и бросила быстрый подозрительный взгляд на Сюзан.

— В связи с исчезновением Андре?

— Именно, — с непривычной решимостью отвечала Мариетта.

Мадам своими широкими руками перебирала серебряные приборы возле стоявшей перед нею тарелки.

Джон Киндер замер, не донеся до рта вилку с салатом, и с некоторым неодобрением посмотрел на Мариетту. Луи Мельма невозмутимо продолжал есть.

— У меня есть наброски, сделанные Андре, — сказала Сюзан. — Очень интересные. Они настолько интересны, что мы решили, ими может заинтересоваться и полиция... — Она вдруг замолчала, как будто сказала больше, чем намеревалась.

Последовало недолгое молчание.

— Наброски? — заговорила мадам. — Что за наброски?

— Да ничего особенного. Просто сценки повседневной жизни. Уличные сценки... люди. — Сюзан надеялась, что эти фразы произвела нужное впечатление. Впечатление панического отступления.

— Что за люди? — устало спросила мадам.

Сюзан ничего не ответила, а Джон Киндер донес вилку с салатом до рта и, еще не начав жевать его, спокойно сказал:

— Ну, я, например. Я ему часто позировал. Но не совсем понимаю, как эта юная дама рассчитывает использовать наброски для решения загадки его исчезновения. И, мне кажется, полицейское расследование тут совершенно ни к чему.

— Собираюсь вызвать полицию, — повторила Мариетта. После этого Луи Мельма вдруг поднялся с места, сказал, обращаясь к Мадам, буквально несколько слов и вышел из столовой.

После этого разговор о полиции уж более не заходил. Впрочем, Джон Киндер своими репликами поддерживал умеренный заградительный огонь, призванный прикрыть мрачное безмолвие мадам и общее ощущение неловкости, порожденное молчанием всех остальных.

Когда вставали из-за стола, Мариетта, воспользовавшись тем, что никто на нее не смотрит, шепнула Сюзан:

— В одном из киножурналов я нашла женщину, которую рисовал Андре. Это Сэлли Гауди.

Сэлли Гауди. Почти звезда на кинонебосводе. Потому-то ее лицо и показалось таким знакомым.

— Идите с остальными, — шепнула Сюзан.

После ухода Мариетты к столу вышла Агнес.

— Агнес, — напрямик спросила Сюзан, — сколько дней вы носите подносы наверх?

Агнес поморгала, растерялась и решила не запыряться.

— С понедельника, — сказала она. — Не понимаю, куда мистер Мельма все это деваает. Ест шесть раз в день! А еще-то хлопот сколько!

Сюзан в задумчивости вернулась в гостиную. Мадам снова занялась кружевом.

Мариетта подождала Сюзан, и они вместе тихо стали подниматься на второй этаж. С лестницы Сюзан заметила, что Джон Киндер снова погрузился в свою карточную игру. Уже находясь в коридоре у своей комнаты, она заметила свет в щели над дверью к Луи Мельма.

— Идите в свою комнату, Мариетта, — прошептала Сюзан. — Заприте дверь и никого — слышите, никого — к себе не пускайте. Ни под каким предлогом.

Мариетта — белое личико, казавшееся призрачным в полумраке, — кивнула и ушла к себе.

Когда Сюзан вошла в свою комнату, Джим выключил фонарик. Она включила свет. Наброски были веерообразно разложены по полу. Стало быть, он знал. Возле двери располагалась странная конструкция, состоявшая из зеркала, надежно прикрепленного к концу палки, по-видимому, прежде находившейся у нижнего края шторы.

Глаза Джима были черны от возбуждения и ликования.

— Сюзан, — тихо сказал он, — ты нашла его! Это Бёрдженс, вне всякого сомнения! Но надо быть художником, чтобы увидеть его под этой личиной. Этот Андре Кавальер был умен, и для него это плохо кончилось. Итак, каков план действий? Твой перископ готов. Наброски послужат приманкой?

— Да, верно, — сказала Сюзан, нисколько не удивляясь тому, что Джим все схватывает на лету. — И кроме того, угроза появления полиции поутру заставит их действовать. Сегодня они что-нибудь да предпримут.

— Что-нибудь предпримут прямо сейчас. Лучше выключи свет.

Так Сюзан и поступила. Потом она вспоминала, что в самом начале их с Джимом странного бдения вдруг где-то совсем рядом грянул гром, угрожающе отозвавшийся в жаркой тишине комнаты.

Джим держал импровизированный перископ, замечательно выполнявший возложенную на него задачу, а Сюзан стояла рядом, не спуская глаз с отражения лестничной площадки и части примыкавшего к ней коридора.

— Мне кажется, — прошептал Джим, — что основное я понял. Но в деле есть пробелы. Например, Сэлли Гауди...

— Ш-ш, — выдохнула Сюзан. — Скоро поймешь. Мадам идет...

Странно было стоять в темноте, видя быстро двигавшуюся белолицую фигуру мадам. Она помедлила на лестничной площадке, быстро осмотрелась и поплыла прямо к комнате Сюзан. Джим осторожно повернул зеркало так, что они как раз успели заметить, как мадам скрылась в торцевой комнате коридора, считавшейся незанятой.

Прошло еще некоторое время, совсем немного. Гроза обрушила всю накопившуюся ярость на дом, полил дождь, шумел ветер, бешено сверкала молния, освещая небольшую комнату жутковатыми вспышками. Потом гроза прошла.

Вероятно, убийца Андре Кавальера воспользовался неистовством природы. Дверь в коридор отворилась, из нее выскользнула фигура и тихо прошла к лестнице в мансарду.

Зеркало поворачивалось, следя за ней. Сюзан стиснула руку Джима.

— Погоди, — прошептала она. — Еще рано. Погоди.

Джим хотел было возразить, но Сюзан только сильнее вцепилась ему в руку.

Разумеется, Джим не знал, что у Сюзан не было доказательств. Что фигуру, проскользнувшую вверх по лестнице на третий этаж, следовало поймать в ловушку другим способом.

Сюзан не могла определить, сколько они ждали. Фигура, поднявшаяся в студию, не возвращалась. Но наконец дверь в торце коридора отворилась, в зеркале появилась женщина и крадучись стала пробираться по коридору.

Пальцы Сюзан сдавливали напрягшийся мускул предплечья Джима.

— Давай! — сказала она. Изображение женщины в зеркале исчезло, едва Джим распахнул дверь комнаты.

Женщина остановилась, вскрикнула и закрыла ладонями лицо. Тут же появилась и мадам Тузу.

Сюзан вдруг заметила в руке Джима блеснувший револьвер, и это обстоятельство несказанно ее успокоило.

— Что это значит? — закричала мадам. — Кто это? Что... — Она вдруг все поняла и теперь свирепо смотрела на Сюзан. — Это вы все подстроили? — с одышкой проговорила она.

Женщина, стоявшая в коридоре, подняла голову, и рука Джима, державшая пистолет, дрогнула.

— Боже мой! — воскликнул он. — Да это же сама Сэлли Гауди! — он повернулся к Сюзан. — Где Бёрджес?

— Бёрджес, — быстро проговорила Сюзан, — наверху в мансарде, ищет наброски. Но не сомневаюсь, что мадам Тузу скорее расскажет все, что ей известно об убийстве Андре Кавальера, чем допустит, чтобы мисс Гауди оказалась причастна к расследованию убийства. Если вы, мадам, во всем признаетесь, мисс Гауди сможет спокойно уйти до появления полиции. Видишь ли, — продолжала Сюзан, обращаясь к Джиму, — мисс Гауди — племянница мадам, которая, вероятно, хочет сохранить в тайне, что живет здесь. Слава — сам понимаешь. Мисс Гауди тайно приехала погостить за два дня до убийства. Мадам пыталась скрыть случившееся, чтобы не впу-

тывать мисс Гауди. Ее пребывание в доме в это время оказалось некстати и стало бы еще более некстати, если бы полиция наткнулась на нее в ходе расследования. Поэтому мадам сделала все, чтобы до полиции дело не дошло. Не сомневаюсь, — сказала Сюзан, думая противоположное, — мадам не взяла бы денег за молчание с Антона Бёрджеса.

— Не знаю, что вы такое говорите, — сказала мадам. Ее лицо сделалось пепельного цвета. Потрясенная Сэлли Гауди в ужасе взглянула на Сюзан.

— О, скажите им, скажите! — простонала она голосом, приводившим в трепет тысячи людей, обращаясь к мадам. — Вы не помогли убить его. Вам ничего не сделают. А мне надо убраться отсюда до появления полиции.

Мадам, не сводя глаз и не мигая, смотрела на Сюзан.

— Ведь есть такое понятие, как соучастник после преступления?

— Есть, — сказал Джим. — Но мы уже знаем, что вы скрывали убийство. Так что можете рассказать все, что знаете.

— Убийство... — в коридоре неожиданно появилась Мариетта с широко раскрытыми скорбными глазами и стояла, покачиваясь.

Мадам сжала губы.

— Он мертв, дурочка, — сказала она. — Но я знаю только, что пролилась кровь. Я не видела его мертвым. И не помогала избавиться от тела...

— От тела... — прошептала Мариетта.

— Оно в реке Чикаго, так я думаю, — сказала мадам. — Бёрджес избавился от него в ту же ночь. Это что, имеет значение?

Удар грома заставил всех застыть. Белое лицо Мариетты сделалось расплывчатым, правильные черты Сэлли Гауди превратились в лишенную выражения маску, черные родинки на веке мадам подергивались в грохоте, сотрясавшем дом. Наконец он медленно откатился, а вслед за ним над головами стоявших в коридоре раздался более резкий хлопок.

Джим побежал по коридору, а дверь в комнату Луи Мельма отворилась, и вдруг все бросились по узкой лестнице в мезонин. Джон Киндер, ссутулившись, сидел в кресле. Он умер сразу. На столе рядом с ним лежал клочок бумаги.

Содержание записки оказалось не вполне понятным.

“Вы нашли меня, — нацарапал он. — Не могу найти наброски. Я знал, что так и будет. Этот парень, художник, узнал меня и сказал мне об этом. Но я не знал, что он рисовал меня таким, каков я на самом деле. Именно это и имела в виду эта молодая женщина. Я понял, что меня узнали, и мне больше ничего не оставалось. Я воспользовался тем же револьвером,

который найдете рядом со мной. Я вынудил эту женщину, Тузу, скрыть убийство. Она была готова послушаться меня по многим причинам. Но она не имеет ничего общего с этим преступлением. Я готов уйти. Меня загнали. Я устал. Записки о растрате у меня в чемодане”.

Записка была подписана “Антон Бёрджес”, причем фамилия подчеркнута.

— Обрати внимание, — сказала Сюзан, — на это подчеркивание. Линия прерывается, не пересекая ножку от буквы “g”. Я догадалась, что Киндер жил в этом доме не под своим истинным именем, а под вымышленным. В регистрационном журнале оно было подчеркнуто таким же образом, но непрерывной линией, потому что буква “d” в фамилии Kinder без ножки. И, заметь, в подписи на предсмертной записке линия продолжается справа от фамилии так, что над ней можно бы приписать еще одну букву. Это позволило мне предположить, что его истинное имя состояло из семи букв с имеющей ножку согласной посередине. Делать росчерк, то есть эту линию под именем, стало у него настолько укоренившейся привычкой, что он не мог ее преодолеть, особенно когда, как ему казалось, ничто более не выдает его в двух коротких словах. Но это подсказало мне, где искать. — Все это было сказано позже, когда Сюзан показывала Джиму регистрационный журнал и сравнивала линии под подписями Джона Киндера и Антона Бёрджеса.

И еще позже, когда гроза утихла и они вышли из дому Тузу и медленно шли в сторону собора Нотр-Дам, Джим сказал задумчиво:

— Наброски — свидетельство, которое его выдало. Без бороды, волосы светлые, а не темные. Фигура, как у молодого человека, — Бёрджес без личины выглядел гораздо моложе, чем Джон Киндер, и первого сразу можно было узнать. Художнику это представлялось развлечением. Он и подумать не мог, во что ему обойдутся эти сеансы позирования, разумеется если только не намеревался заставить Бёрджеса платить за молчание. А тот, видимо, понимал, куда это заведет. Но как ты узнала о Сэлли Гауди?

— Я и не знала, пока не поняла, что на набросках и у собора Нотр-Дам — одна и та же женщина. Отсюда следовало, что сейчас она здесь и когда-то была связана с Чикаго. Потом от Мариетты я узнала, что у мадам есть племянница в Калифор-

нии, и, разумеется, я сразу подумала о кино. Она так прекрасна. И мне повезло, в одном из киножурналов оказался ее портрет. И поскольку Агнес начала носить подносы наверх за два дня до убийства, я поняла, что в этой комнате, считавшейся незаселенной, не мог скрываться Андре. Потом я поняла, что киноактриса и мадам сделают все возможное, чтобы не оказаться впутанными в дело об убийстве. Не знаю, что помешало ей — я говорю о Сэлли Гауди — уехать сразу же. Но, конечно, я предполагала, что она захочет сделать это после объявления Мариетты о намерении вызывать полицию.

Над ними в ясном вечернем небе вырисовывался темный силуэт Норт-Дама. Только что прошел дождь, неистовство грозы оставило после себя тишину и покой.

— Ты хоть представляешь, — сказал Джим, понизив голос, — какой фурор вызовет эта новость? Наконец найден Антон Бёрджес — мне надо спешить, Сюзан! Это тот самый случай, когда у меня настоящая сенсация!

— Знаю. — Сюзан взглянула на крест собора на фоне неба. — Бедная Мариетта, — продолжала она. — Такое безобидное создание, и попала под такое колесо! Ладно, Джим. Иду-иду.